

Гончаров Геннадий
Канберра,
Австралия

*Памяти трагически погибших
Марины Минкиной и Юрия Климовского*

ПОРОГ

На высохшей ели перед шумным порогом сидели два ворона.

Лодку опрокинуло мгновенно. Алёшина накрыло тяжёлым резиновым понтоном. Он чувствовал головой, плечами, руками, как из-под брезента сыпались геологические образцы, баулы с посудой, мешки с продуктами, снаряжение. Алёшин вынырнул, и сипло закричал: «К берегу! Всем быстрее к берегу». Резиновые сапоги, с развернутыми длинными голенищами, наполнились водой и тянули на дно. Алёшин попал в круговорот тяжёлой тёмной воды. Вода не выпускала его. Он попытался достигнуть дна, чтобы оттолкнуться от него в сторону берега. Но дна не достал. Чувствовал, что ещё несколько мгновений и вода поглотит его. Он бешено замолотил руками, пытаясь вырваться из равнодушного, могильного холода реки. Сапоги парализовали ноги. Пошевелить ими он не мог. Алёшин извивался, бился, размахивая непослушными, одеревеневшими руками. Наконец вода, нехотя, с чавкающим звуком выпустила его из своих смертельных объятий водоворота. Алёшина буквально выплюнуло на камни. Он выполз на берег и быстрым взглядом осмотрел реку. И вдруг неудержимый понос одолел его. Он едва успел стащить с себя мокрые, прилипшие к телу штаны.

В тридцати сорока метрах от порога стремительный поток реки ударялся в обрыв левого берега, вскипал, и мгновенно усмирался. Дальше река текла спокойно, умиротворённо, не торопясь, урча, как бы облизываясь, от вкуса только что поглощённой добычи. Ниже по реке, в сторону правого берега, несло ещё одну перевернутую лодку. Небольшой клипер-бот. За него держались Алик и Николай. Понтон у ног Алёшина медленно развернуло и тут он увидел Малямова Федю. Тот судорожно держался за верёвку понтона. Глаза у него были безумные, невидящие. Артур уже выбрался на правый берег недалеко за понтоном. Марианны и Егора не было видно. «Утонули», - с беспощадной правдой, прошептал Алёшин.

Он с трудом стянул с себя сапоги, забросил их повыше от воды на обрывистый берег, и нырнул в водоворот. Достигнув дна, Алёшин медленно плыл, пытаясь рассмотреть в мутной воде хоть что-то. Он питал призрачную надежду, что вдруг чудом увидит Марианну или Егора. Едва не захлебнувшись, вынырнул, глубоко вздохнул, и снова ушёл на дно. Он несколько раз выскакивал на поверхность и вновь погружался. Рассмотреть что-нибудь в тёмной воде он не смог. Алёшин рассчитывал на чудо: нащупать руками или босыми ногами своих приятелей. А, может быть, поднять и откачать. То, что они утонули, он как-то понял сразу. И то, что он их не найдёт, тоже знал. Но почему-то механически нырял и нырял в кипящий водоворот воды, пока окончательно не обессилит. Наконец он ухватился за береговой камень, обнял его, и вдруг разрыдался.

- Маляныч, оттолкнись от лодки-то. Выберись на берег. Он же рядом. Пройдись вдоль реки, посмотри... вдруг. Там, рядом с тобой, крутит пару вёсел. Закинь их на лодку. Я попробую вытащить понтон из водоворота и сплавить его к правому берегу.

Фёдор с трудом разжал руки и двумя гребками рук достиг берега. Выполз на него, поднялся и медленно, не оглядываясь, побрёл к ребятам. Алёшин соскользнул в воду, доплыл до понтона. Хотел, было, забраться на него, но, осенённый вдруг какой-то мыслью,

передумал. Он медленно стал огибать лодку, держась одной рукой за опоясывающую её верёвку, а другой, пытался что-то нашарить снизу понтона. Добравшись до кормы, на которой он сидел, до того, как его выбросило на пороге, он вдруг удовлетворённо вскрикнул, наткнувшись на шланг насоса. Насос тоже был на месте. Он снова погрузился с головой в воду.

Наконец, Алёшин вынырнул, снова ухватился одной рукой за верёвку, а другой закинул отсоединённый насос на лодку. Затем опять погрузился в воду и продолжал что-то там делать. Закончив подводные манипуляции, Алёшин энергично выпрыгнул над понтоном и вскарабкался на него. Отдышавшись, взял весло в руки, пристроился на корме перевернутого понтона и начал энергично попеременно загребать веслом по обе стороны кормы. Лодка тяжело поворачивалась, сопротивлялась. Густая вода не отпускала понтон. И всё же Алёшин выцарапал лодку из водоворота. Течение реки подхватило её, ударило в левый берег и погнало к правому обрыву реки. На невысоком каменистом обрывчике молча переминались четверо промокших, поникших ребят.

Алёшин взглянул на часы. Часы стояли.

- У кого-нибудь часы идут? - спокойно спросил он. И вдруг сорвался: - А рация? Что с рацией?!

- Утонула, - обречёно обронил радист Николай.

- Не привязали, - утвердительно покачал головой Алёшин.

- Да... - заговорил, было, Артур.

- Время?

- Пятнадцать минут четвёртого, - ответил кто-то.

После трагедии прошло всего двадцать минут. И вновь, осознав случившееся, Алёшин судорожно всхлипнул, но сдержался. На него уставились четыре пары мужских глаз. Парни были мокрые, испуганные, безвольные, с потухшими взглядами. Ждали команд. Алёшин по очереди, медленно скользнул взглядом по скорбным, растерянным лицам, пристально вглядываясь в их глаза. Все молчали. Как ни странно, но Алёшину показалось, что у всех его товарищей, несмотря на трагический вид, выражение глаз было одинаковым. Глаза скрывали радость. Животную радость. Вот они утонули, а я живой, спасся. «Должно быть, мои глаза светятся также, подумал Алёшин».

Он встряхнул головой, как бы пытаясь отогнать наваждение, и жёстким, твёрдым голосом приказал: - Быстро раздеться. Отжать одежду. Вылить воду из сапог. Одеться и бегом пробежать вдоль реки. Если можно перебраться на другой берег - осмотреть и его. Всё, что прибило к берегу, или можно достать из воды, вытащить. Повыше. Кажется, собирается дождь, река вздуется, всё смоем.

Все быстро начали раздеваться.

- Да, - вдруг спросил Алёшин, - а где Дружок? Кто видел? Не у... погиб же он?

Никто не ответил.

- Дружок! Дружок! - громко позвал Алёшин, выжимая одежду. - Дружок!

И вдруг сверху, с обрыва раздался радостный лай. Все взглянули на черную вертикальную базальтовую стену. Почти на самом её верху светлело белое пятно на груди Дружка. Он радостно вилял хвостом.

Всех сразу прорвало. «Дружок, Дружок. Сюда, к нам. Скорее!».

Собака заметалась на отвесном обрыве. Однако прямого спуска к людям не видела, и медленно, внимательно смотря себе под ноги, запрыгала обратно в сторону порога. Какое-то время все следили за псом, пока он не исчез за поворотом реки.

- Я пройду обратно, к порогу. Там у меня сапоги брошены. Просмотрю берег. А вы прогуляйтесь вниз по реке. Осмотрите оба берега. Ходить по двое. Реку переходить только в случае, если вода не выше коленей. И обязательно держитесь за руки. Но лучше не

рисковать. Далее четырѐхсот пятисот метров отсюда, от лодок не уходить. Торопитесь. Вон, видите, тучи надвигаются. Если пройдёт дождь, вода в реке мгновенно вздуется. Всё снесѐт, что зацепилось за берег. И, ещё, буду честным.

Голос Алѐшина стал жестким. - Сразу предупреждаю. Всё, что мы спасѐм, может сохранить нам жизнь. Всем. Что сможете найти, достать из воды, тащите на берег. Запомните это. Ну, о прочем у нас ещё будет время поговорить. Разбежались.

Алѐшин, осторожно ступая босыми ногами по камням, зашагал в сторону шумящего порога. Старался держаться поближе к воде. Даже брѐл по ней. Выше, необкатанные водой, бритвенные сколы вулканических пород резали ступни ног. Он добрался до узкого оврага, прорезанного невидимым под камнями журчащим ручьѐм, и оглянулся. Ребят не было видно. Он ещё раз внимательно осмотрелся вокруг. Никого. Лишь на противоположном берегу, на самой вершине высокой высохшей ели по-прежнему сидели два ворона. «Наверное, те же, что каркали нам предупреждающе перед порогом», - подумал Алѐшин. Он быстро проскользнул в расселину, снова настороженно оглянулся в сторону парней и достал какой-то предмет из кармана брюк. Затем тщательно осмотрел стену оврага, и засунул что-то в щель между камнями под свисающий мох. Придирчиво изучил место, где только что стоял, не оставил ли следов, запомнил место схрона и спустился к реке.

Он брѐл, внимательно осматривая оба берега. Вскоре он вытащил из воды тук палатки. Затем увидел два мешка со спальниками. Оттащил их повыше от воды. Потом высмотрел, почти погруженный в воду, фанерный бочонок из-под сухого молока. В нём они с неделю назад засолили несколько рыбин тайменей. Алѐшин торопливо выкатил лёгкий бочонок из воды. Рыбу из него вымыло. Лишь на самом дне сохранился кусок рыбины, застрявший в узких стенках бочонка. Подняв бочонок с рыбой повыше, Алѐшин заспешил дальше.

Члены отряда, спотыкаясь на замшелых осклизлых валунах бечевника, торопливо трусили вдоль реки. Они внимательно осматривали берега, куда река могла вынести и выбросить что-то из опрокинутых лодок.

- А, палатка! Смотри, мешок, вон ещё мешок! Кажется, бидон с растительным маслом?

- Что? Пустой?

- Пустой. А крышка рядом.

- А это? Бумаги какие-то.

- Отбрось повыше.

- Смотри! Баул, по-моему, с сухарями?

- Точно! Сухари!

- Не тронь! Кому говорю, не ешь! Придави мешком бумаги. Идѐм дальше.

- Кажется, здесь перекатик мелкий? - остановился Алик. - Может быть, попробуем перебраться на тот берег. Вон там, вроде, какие-то тючки видны.

- Попробую. Маляныч, давай руку, - обратился к нему Артур.

- Да лёгкий я, снесѐт меня. Ты с Николаем попробуй, он тяжелее.

Маляныч явно трусил.

- Ты длинный, а он короткий. Давай руку!

Артур ухватил Маляныча за кисть и потянул на перекаат. Сделав два три скользящих шага по мелкой гальке переката, парни остановились. Вода забурлила вокруг их ног, вымывая гальку из-под подошвы сапог. Устойчивость терялась.

- Да нельзя останавливаться, - закричал им Алик. - Это обязательное правило при переходе переката, говорил нам Алѐшин. Если видите, что глубина не будет выше колен, смело семените дальше. Лицом держитесь вверх по реке.

И хотя вода не достигала и середины икр ног, парни не решались двигаться дальше. Они трусили.

- Не бросай меня! - взвизгнул Маляныч. - Держи меня!

- Да не пищи, ты! Сейчас вернёмся.

Они медленно, неуверенно, охваченные ещё не прошедшим страхом перед рекой, неторопливо развернулись и быстро выскочили на безопасный берег.

- Дальше по бечевнику не пробираться. Круто. Обрыв начинается. Да и вряд ли там, на обрыве что-нибудь из барахлишка задержалось. Пошли обратно.

Они повернули назад, подбирая по пути к лодкам тюки, свертки, мешки, колья от палаток. Всё, что смогли обнаружить по правому берегу реки. Что могли унести, брали с собой.

Алёшин уже ждал их. Молча осмотрел находки.

- Ставим палатку. Повыше. Вот-вот врежет дождь.

Они быстро растянули большую палатку. Растяжки закрепили на камнях. Раскинули на гальке спальные мешки. Алёшин занёс в палатку фанерный бочонок с рыбой. Алик притащил мешок с чуть подмокшими сухарями.

- Значит, так, - заговорил Алёшин. - Рация у нас утонула. Связи не будет. Продуктов практически нет. Мы имеем килограммов шесть малосольной рыбы. Чудом сохранился в бочонке засоленный таймень. Ещё мешок, килограммов пятнадцать подмокших сухарей. Сейчас же их разложить в палатке и подсушить. Иначе замшеют и сгниют. Спичек нет. Но завтра, при солнце, попробуем огонь добыть. Сегодня 22 августа. По плану гидросамолёт должен искать нас числа четвёртого пятого сентября. Если мы не выходим на связь. Это в идеальном случае. Но может быть и десятого, и пятнадцатого.

Алёшин сделал паузу и беспощадно добавил: - Но может и совсем не искать.

Он подождал, пока жестокая правда не дошла до всех членов отряда.

- Почему это он не будет нас искать? - запаниковал Артур.

- Ты где до нас работал? - откликнулся Алёшин. - Не в охранке? - Алёшин взглянул на Артура. - Что, у вас там так уж всё по плану исполнялось? А тут геология. И бардак у нас беспросветный. На базе никого нет, кроме радиста. Он на связь то не всегда выходит. Водку жрёт, да по бабам бегает. И что мы не выходим на связь, доложит по начальству, дай бог, через неделю. Согласно инструкции. Это в лучшем случае. Пока закажут гидросамолёт из района. Да когда ещё будет свободный борт. Так что, скорее всего, за нами прилетят после двадцатого сентября, когда нас надо вывозить по плану. Или около того.

- Да мы все загнёмся к этому времени! - вскочил Артур.

- Сядь, - попросил Алёшин. - Если захочешь - загнёшься. - Ну, сколько там у нас? - обратился он к Алику, который закончил раскладывать подмокшие сухари на брезенте.

- Значит, так. 243 целых ломтей, 17 - половинок и кусочки вон. Сорок, пятьдесят, наверное.

- Наверное? «Социализм - это учёт», - горько усмехнулся Алёшин. - Алик, - подели все кусочки на пять равных кучек.

Алёшин подтянул к себе бочонок с рыбиной.

- Вот рыба. Кусок рыбины. Килограмм на пять, шесть. Малосольная. Не успела просолиться. Отрезаю всем по кусочку. Сегодня по восемьдесят, по сто грамм. С завтрашнего дня - меньше.

Все внимательно следили, как Алёшин делил перочинным ножом рыбу и распределял по кучкам сухари.

- Маляныч, отвернись. Коль, покричи.

- Кому? Кому? Кому? - перечислял Николай.

- А Дружку? - спросил Алик.

Алёшин взглянул на Алика. - Дружка с сегодняшнего дня переводим на подножный корм, - непреклонно произнёс он. - Пусть мышей ищет. Птиц ловит. Гнёзда зарит. Может быть, линых гусей изловит.

Все жадно ели.

- Теперь как раз тот случай, - проговорил Алёшин, - чем тщательнее пережевываете пищу, тем дольше не испытываете голода. Запомните это.

Жевать стали медленнее.

- Я прикинул, - продолжал Алёшин, - что мы можем съесть в день по два ломтя сухарей и по кусочку рыбы. В блокаду в Ленинграде меньше выдавали. Если сухари не замшеют, а рыба не протухнет, то при таком рационе, нам хватит их на три, может четыре недели. До пятнадцатого, даже двадцатого сентября. Будем надеяться, что до этого времени нас вывезут.

- Да раньше вывезут! - выкрикнул Артур. - До десятого, точно. Можно и по три ломтя в день есть.

- Только по два!

Последние слова Алёшина заглушил гром. И в тот же миг на палатку обрушился ливень.

- Ого! - воскликнул Алёшин. - Лодки хорошо закрепили?

Он выглянул наружу, откинув полог палатки. При свете распоровшей небо молнии Алёшин заметил, как вздулась река. Вода уже подступала к палатке. Вероятно, в верховье дождь шёл уже давно. Понтон метался на натянутой веревке. Маленькой лодки не было.

С криком «помогите вытащить лодку», Алёшин кинулся к понтону. К нему поспешили Алик и Маляныч.

- Давайте повыше! В овраг. За ветер. Сейчас река снесёт палатку. Быстро соберите сухари. Всё тащите под понтон.

Они торопливо перекидали в мешок сухари, уронили палатку и потащили наверх. Туда же, в расщелину оттащили тюки, пакеты, мешки. Дождь хлестал лавинный. Река ревела, вспучивалась. Стремительно поднималась. Через несколько минут место, где недавно стояла палатка, залила мутная вода. Люди отступали и отступали под обрыв, спасаясь от наступающего потока воды. Темень стояла чернильная. И лишь при ярчайших вспышках непрерывно рассекающих небо молний, члены отряда успевали рассмотреть друг друга. Инстинктивно угадывали направление к расселине, куда они оттащивали сохранившиеся вещички.

- Кажется, всё? - прокричал Алёшин. - Идёмте к понтону. Садитесь на него, теснее друг к другу, и накройте палаткой.

Они уселись на лодку, укрылись палаткой. Все дрожали. И только сейчас почувствовали, каким ледяным был дождь.

Часа через два дождь утих. Вода не добралась до понтона. Люди, измотанные борьбой со стихией, заснули кто где. Маляныч с Аликом уснули прямо на резиновом днище понтона в луже воды. Николай с Артуром спали рядом, откинувшись спиной и головой на бок понтона. Алёшин похрапывал, засунув голову под понтон. Мокрая палатка была их одеялом.

Уже угадывался скорый рассвет, когда первым очнулся Алёшин. Под боком у него, свернувшись калачиком, пристроился Дружок. Долина реки была затянута плотным туманом. Сквозь него неба было не разглядеть.

- Ну, что, Дружок, надо жить. Двигаться надо, а то схватим воспаление лёгких. Давай будить парней. Слышишь, как постанывают? Оледенели.

- Парни, подъём! Окоченеете.

Алёшин взглянул на русло реки и присвистнул. Там, где вчера был шумный порог, и торчали несколько крупных обкатанных валунов, сегодня бесшумно неся широкий, гладкий, как мутное зеркало, поток воды. Река тащила древесный мусор, обглоданные, словно отполированные трупы деревьев. Пронесло стаю, испуганно гогочущих линых гусей, безуспешно пытавшихся прибиться к берегу. Мелькали и исчезали за поворотом недавно вырванные с корнями, ещё живые берёзы, осины, ели. Они, будто стараясь вырваться из стремительного потока, размахивали ветвями, как пловцы, рвущиеся к финишу, к берегу. Но

равнодушная река мяла их, переворачивала, била о чёрные камни, обдираала и уносила прочь.

Сколько так простоял Алёшин, любуясь и леденея от ужаса перед стихией, он не знал. Очнулся он, когда кто-то кашлянул. Рядом стояли все члены отряда. Они дрожали в своей мокрой одежде от холодного рассвета, ватного тумана, страха, от увиденного. Все смотрели на него, будто он мог совершить чудо. Вернуть утонувших людей. Запалить печурку, создать теплый уют палатки. Воскресить беззаботную атмосферу смеха и лёгкого весёлого трёпа.

Алёшин посмотрел на небо. Туман начал расходиться. - Светает. Через полчаса солнце появится. Сегодня будет жарко. Обсохнем. К обеду вода схлынет. А к вечеру и посветлеет. Ну, что ж, други, давайте суетиться.

Все подошли к понтону. Оттащили и растянули на камнях мокрую большую палатку. Сухари под понтоном не намокли, но были волглými. Они вытащили из тюка ещё одну палатку, сухую, двухместную и разложили на ней сухари. Рядом с сухарями оставили Алика, стеречь их от собаки. Бочонок с рыбой накрыли мешком и оставили в тени. Раскидали на каменистом склоне всё, что вчера удалось обнаружить и спасти от прожорливой реки. Оказалось, не так уж и мало. У их ног стелился плотный туман.

- Ну что, подобьём бабки. Ещё раз, - предложил Алёшин. - Имеем две палатки. Большую и маленькую. Спальные мешки есть у всех. Даже один... - он помолчал, и добавил: - запасной. Один понтон. Полуспущенный. Хорошо, что насос не отсоединяли от него. Сохранился. Так что понтон всегда подкачаем. Маленькую лодку унесло. Ну да ниже по реке где-нибудь её встретим. Нам около ста пятидесяти километров ещё предстоит сплавиться... До точки, где нас должны снимать по плану.

- Я в лодке больше не поплыву, - вдруг заявил непреклонно Артур.

- И я, пожалуй, тоже, - тихо проговорил Николай.

- Страшно? - как бы проверяя на вкус это слово, задумчиво спросил Алёшин. - Да, конечно, страшно. Хорошее чувство. Оно уберезёт нас от последующих необдуманных поступков.

- Каких это ещё необдуманных? - вызывающе спросил Артур.

- Как знать, как знать, - загадочно пробормотал Алёшин. - Ладно, пошли дальше.

- Алёк, смотри, Дружок сухарь схватил! - закричал Маляныч.

- Я морду ему сейчас набью, - зло прошептал Артур, привставая.

- Алик, внимательнее. А ты, Артур, не кипятись. Нам всем теперь надо свои эмоции в узде держать. Давай, Арт, тащи рыбку, перекусим. А ты, Алёк, приготовь пять кучек сухариков. По паре половинок каждому.

Туман оседал, уплотнялся. У возвращавшего Артура, из-за плотного тумана, была видна только голова. И лишь когда он подошёл совсем близко, стало видно, что он принёс бочонок с рыбой.

Небо внезапно очистилось, и все увидели яркое, уже с утра, горячее солнце. От мокрой одежды повалил пар. Члены отряда перестали дрожать. Сумеречные лица разгладились. Алик даже заулыбался, показывая пальцем на Дружка.

- Смотрите, слюну глотает. Думает, его сейчас кормить будут.

- Фу, Дружок, мышей ищи! Мы тебя теперь кормить не сможем.

Дружок переступал лапами, поскуливал, и переводил жадные взгляды с исчезающих кусочков сухарей и ломтиков рыбы. Скудный завтрак закончился.

- Время? Так, восемь утра.

- Думаю, - заговорил Алёшин, - мы вставать будем попозже. Скажем, часов в десять. Тогда же и завтракать. Ужин, может быть, в шесть часов вечера, или в семь? Хорошо, в шесть. Два раза в день. Остальное время лежать или медленно двигаться. Будем экономить силы. Собирать подножный корм. Ягода почти созрела. Красная и чёрная смородина. Пониже спустимся, малину встретим. Черёмуха попозже пойдёт. Грибы после дождя появятся. С

грибами осторожнее, можно отравиться. Перед тем как есть, обязательно показывать мне. Тут у меня опыта больше.

- Мы что, здесь и стоять будем? Тут же на реку гидрач не сядет. А вертолётов в Суре нет.

- Здесь мы пробудем трое суток, - ответил Алёшин Артуру. - Слышал... - он помолчал, затем обратился к Алику. - Алёк, следи за сухарями! Опять Дружок подбирается. Слышал, - уже увереннее продолжил Алёшин, - что трупы через три дня всплывают.

- А если они зацепились за топляк? - высказал сомнение Артур.

- Могло и валунами завалить. Вон река как озверела, какие камни ворочает! - добавил Николай.

- Стоять будем тут три дня, - непреклонно отрубил Алёшин. Сегодня двадцать третье. Утром двадцать шестого начинаем сплавливать. В любом случае. Всплывут ребята, нет ли. Хотелось бы как-то захоронить их. Зверьё может растащить, рыбы обгложут... - жалобным, сдавленным голосом добавил он.

- Теперь о живых надо думать, - пробормотал Артур.

- Чтобы остаться нам всем живыми, прежде о мертвых не след забывать, - Алёшин внимательно посмотрел на Артура.

- Конечно, надо подождать, - хлипкий Алёк виновато посмотрел на могучего Артура.

- Ну, что ж, давайте обживать. Маляныч, помоги мне палатку поставить. Я буду в маленькой располагаться. Вы четверо, в большой. Дружок будет со мной.

Члены отряда не торопясь, выбрали места для палаток и растянули верёвки растяжек на валунах. Затем достали спальные мешки, надувные матрацы. У Алика матраца не оказалось. Он, как обычно, забыл его засунуть в мешок вместе со спальником и матрац затонул.

- Посмотри мешок Марианны, там должен быть матрац, - предложил Алёшин. - Она девушка была аккуратная,

Матрац там был.

Ребята накачали насосом от лодки матрацы, занесли их в палатку и бросили на них спальные мешки. Натянули над мешками полога от комаров. Быт был налажен.

- Хорошо бы, - обращаясь ко всем, попросил Алёшин, - от палаток далеко не отходить. Ну, метров на сто, сто пятьдесят. В пределах видимости и слышимости. Ходить только вдвоём и чтобы видеть друг друга! С ягодами, грибами ясно?

После страшного последнего ливня и грозы в ночь после трагедии, установилась сухая и жаркая погода. Река мелела и светлела на глазах. Члены отряда вели однообразный образ жизни. Утром получали по сухарю с кусочком рыбы, запивали их ледяной водой из родника и заваливались в полога. Изредка Артур и Николай после сна отправлялись полазить по кустам, чтобы собрать красной или чёрной смородины. Однако без мази от комаров, долго там продержаться не могли и с проклятиями бежали к палатке и залезали под полога. Алик и Маляныч собирали ягоды по утрам, когда солнце только-только собиралось всходить. В это время, как это бывает в северных широтах, было ещё прохладно, и комар досаждал не так сильно. К Алёшину комарье и гнус не приставали в любое время суток, и он спокойно набирал две три двух литровые жестяные банки ягод и делился с ребятами. Вокруг него роилось плотное облако комара и мошки, но на лицо и руки не садились.

- Я несколько лет назад, - рассказал как-то, усмехаясь Алёшин, - с большого бодуна глотнул утром из чайника по ошибке с пол-литра, наверное, антикомарийной жидкости, диметила! Жажда страшно мучила. К счастью, не отравился. Но, вероятно, с тех пор потею диметилем, и гнус меня не трогает.

Шутка, конечно, но, факт, Алёшин никогда не пользовался средствами от комаров.

Заканчивался третий, последний день стоянки на месте трагедии. Алёшин и члены отряда внимательно осматривали реку, берега, следили за поведением чаек, воронья. Всё было как обычно. Река не возвращала утонувших ребят.

Острого голода члены отряда ещё не чувствовали, но о еде думали постоянно. Пара сухарей и ломтик рыбы в день всё-таки утоляли голод. Но не хватало горячей пищи. Огонь ребята так и не смогли добыть. Пили родниковую воду, добавляя в неё раздавленную красную или чёрную смородину. До тошноты объедались ягодой. Двигались мало, только по ягоды, грибы. Целыми днями лежали под марлевыми пологами, растянутыми, от духоты в палатке, на улице. Стояла необычная для севера жара. Река обмелела. Вода в ней стала прозрачной и просматривалась на полтора два метра вглубь. В глубине неторопливо ходили крупные рыбыны - таймени. Однако ловить их было не на что. Последнюю блесну с леской, случайно сохранившейся в кармане куртки у Алёшина, при первом же забросе оторвал крупный, килограммов на двадцать, таймень. Его даже было хорошо видно в воде. Он так и гулял по покаюме, по плёсу, с торчащей в губе медной блесной и длинной леской.

Дружок полностью перешёл на подножный корм. Почти все дни он сновал по прибережным кустам. Когда мошка и комары изводили его окончательно, он с воем несся к реке и бросался с головою в воду. Часто у него изо рта свисала мышь. Так что пёс был сыт. Однако аккуратно являлся ко всем завтракам и ужинам, в надежде, что мы передумаем и начнём его кормить. Собака не понимала, что случилось. Морда Дружка выражала полнейшее недоумение: почему это перестали давать ему миску с вкусной пищей? Когда трапеза заканчивалась, Дружок тут же исчезал в кустах. Но, вероятно, он начал понимать, что мы тоже голодаем. И однажды, после охоты, он подбежал к Алёшину и положил к его ногам мышь. Алёшин погладил собаку, и сунул полёвку в карман. Позднее, когда никто его не видел, снял с мышки шкурку, тщательно вымыл её и, с неким брезгливым преодолением, съел. «А что, ничего. Можно, пожалуй, ввести мышек в наш рацион», - решил Алёшин.

- Ну, что, ребята, завтра начнём сплавливать до места, где нас должен забрать гидросамолёт. Карт у нас теперь нет. Я так прикидываю, что нам осталось одолеть километров сто двадцать, сто сорок. До места, где кончаются пороги, перекаты и начинаются плёсы. Думаю, дня за три, четыре доберёмся.

- Я в лодке, пока пороги не кончатся, не поплыву, - вновь напомнил Артур.

- Я тоже, - пряча глаза, отказался Николай.

Алик и Маляныч промолчали.

- Мой дед, который был плотогоном, несколько раз тонул на горных реках Сибири. Так вот, он наставлял меня, - начал свой рассказ Алёшин. - Ты, внук, запомни, если чего-нибудь в жизни испугаешься, тут же постарайся переступить через этот страх. А то сломаешься. Я много толковых плотогонов через страх потерял. Свой страх перед рекой они, после того, как тонули, не могли побороть. На плоты боялись всходить. Я несколько раз тонул, но тут же снова кидался на плоты. Иначе ослабеешь нутром, если дашь страху одолеть себя, - закончил рассказывать Алёшин, и замолчал.

- Я пойду с тобой, - тихо проговорил Алик.

- Нет, - отказался Алёшин. - Я пойду один. Пока пороги не кончатся. С Дружком. Вы, четверо, подниметесь наверх, на плато, и пойдёте вдоль реки. По-над обрывом я видел тропы, набитые дикими оленями сквозь кустарник. Так что идти вам будет легко. Меня река понесёт быстро. Километров десять двенадцать в час. Вы это расстояние будете проходить часа за три. Так что часа через два три выходите на обрыв, высматривайте меня на реке и машите мне. Возьмите белую тряпку. Отметились, идём, плывём дальше. Через пару тройку часов снова ищите лодку. Примерно километров через тридцать пороги кончатся, река успокоится. Вот тогда, придётся крепко поработать вёслами. А сейчас я за три четыре часа пройду такое расстояние. Вы пешком, по верху, пройдёте за это время меньше, километров двадцать. Срезайте петли реки. Всем держаться обязательно вместе. В пределах видимости каждого. И от реки далеко не удаляйтесь. Да долина реки хорошо сверху видна. Как, говорится, с богом!

Алёшин видел, что парни напряжены и сильно нервничают. Им впервые, за три полевых месяца, придётся остаться без начальника и, возможно, принимать какие-то решения самим. Они от этого отвыкли, поэтому и страшились предстоящего похода.

- Обязан сказать вот что ещё. Алёшин с минуту помолчал и затем четко, коротко, негромким голосом предупредил: - Вдруг, если со мной что-нибудь случится, - Алёшин предупреждающе поднял руку, хотя его никто не прерывал, - что-нибудь случится, - Алёшин чуть повысил голос, - спускайтесь к реке, ищите лодку и быстро сплавляйтесь до первого плёса реки, где сможет сесть самолёт. Собака будет возле лодки. Для неё это дом. Она от неё не уйдёт. Если уж совсем нечего будет есть, забьёте Дружка. Это крайний случай. Но за вами обязательно прилетят и заберут. Обязательно. Не вздумайте сплавляться ниже. Обещайте. Только ждать. Старшим назначаю, - Алёшин пристально посмотрел на ребят, - Артура. Теперь всё. Надо выспаться, день будет трудным. Да, Алик, одолжи мне свои часы. У вас вторые есть.

Алёшин проснулся рано. Плотный туман стелился над рекой. Так всегда бывает в северных широтах после жаркого ясного дня. А все последние три дня стояла необычно жаркая для Приполярья погода.

Алёшин заглянул в палатку к ребятам. Там было тихо. Он прикрыл вход в палатку и, осторожно ступая, пошёл к оврагу, где три дня назад что-то таинственно прятал в каменной нише подо мхом. За ним неслышно следовал Дружок. Внимательно осмотревшись вокруг, Алёшин засунул руку под мох и извлёк какой-то предмет и быстро спрятал его в карман просторных штанов. Затем ту же подтянул ремень и вернулся к палаткам.

- Парни! Подъём! Дружок, голос!

Однако Дружка рядом уже не было. Дружок был старой и мудрой собакой. Он собачьим инстинктом почувствовал, что сегодня люди будут сплавляться. И ему придётся целый день, как обычно, бежать за лодкой, переплывать реку, взлетать на обрывы, перепрыгивать трещины. Поест, половить мышей будет некогда. И он отправился на охоту. В кустах был слышен то ликующий победный взлай Дружка, когда он ухватывал мыш, то жалобный щенячий всхлип от изводящих его комаров и мошки. Иногда Дружок пулей вылетал из кустов, бросался в реку, торопливо проплывал несколько кругов, иногда погружаясь с головой в воду, и вновь, как в омут, кидался в кусты.

Ребята быстро упаковали спальные мешки, покидали немногочисленные вещички в понтон, затащили лодку брезентом и тщательно, и надёжно увязали снаряжение, на случай, если лодка перевернётся. Под верёвки засунули все выловленные вёсла. На корме оставили место для сидения. Для Алёшина. Затем собрались вокруг Алика, который закончил делить скудный завтрак.

Ели молча. Всё было оговорено.

- Ну, поехали! - Алёшин встал, ещё раз внимательно осмотрел реку. - Дальше, - он обратился к ребятам, - по инструкции, как договорились.

Алёшин подошёл к понтону, столкнул его на воду, придержал. Взял в руки весло.

- Итак, как говорил мой дед, ломаем страх через колени! Дружок, в лодку! И Алёшин впрыгнул в понтон, который тут же подхватил стремительный поток. Лодка с Алёшиным и Дружком мгновенно исчезла за обрывистым поворотом. Парни ещё раз взглянули на пустую реку, вошли в кусты, и начали подниматься в гору. На них мгновенно набросились тучи комарья и мошки.

Плоскодонный понтон был практически не подвластен одному человеку. Только четыре или пять крепких человек могли развернуть и направить лодку в нужном направлении. Почти неуправляемый понтон швыряло от одного берега до другого. Ударяло об обрывистые берега. Крутило в водоворотах. И лишь благодаря низкой воде резиновая лодка билась не о бритвенные выходы сланцеватых пород, а об обрывистые берега, веками отполированные

стремительными водами. К тому же опытный Алёшин просил ребят не накачивать лодку туго, чтобы при ударе о скалы борта лодки проминались, а не прорезались.

Через два часа Алёшин пристал к берегу напротив высокого обрыва и стал поджидать ребят. Они появились через час. Помахали ему белым полотенцем. Прокричали что-то невнятное, и снова растворились в кустах.

Еще дважды подгробал Алёшин к берегу реки для свидания с отрядом. И дважды над обрывом напротив него появлялись парни, сигналили и исчезали в зарослях. В шестом часу вечера решили заночевать. Река почти успокоилась. Пороги исчезли. Всё чаще появлялись короткие глубокие плёсы, которые сменялись стремительными мелкими перекатами. Берега реки стали много ниже. Мрачные базальтовые скалы и чёрные кремнистые сланцы исчезли. Взамен них возникли обрывы кремневых, розоватых и белых известняков. После мрачных низкорослых елей пошли веселые светло-зеленые лиственницы, стройные осины, берестой забелели берёзки.

Когда ребята спустились с обрыва и перешли по мелкому перекаату к Алёшину, он ахнул. Лица парней оплыли от укусов мошки. Места за ушами, уши, веки и шея были изъедены гнусом до крови. Алик безвольно опустил руки и уже перестал отбиваться от кровопивцев. И только болезненные укусы оводов заставляли его судорожно вскидывать руки. Разбухшие от крови комары покрывали его лицо. Алёшина на реке комарье не досаждало. Лишь изредка налетал надоедливый овод.

- Ополосните лица и срочно ставим полога.

Они разгрузили понтон, вытащили его подальше от реки и надежно закрепили. Распаковали спальные мешки, натянули быстро полога и укрылись в них. Дружок бросился в кусты добывать пропитание.

Через час стало прохладнее. Вдоль реки подул крепкий ветерок, отгоняющий комара и гнус. Парни выбрались из пологов и расположились на валунах у кромки берега. Разыграли привычную пайку сухарей и рыбы. Неспешно жевали, обильно запивая солоную рыбу водой из реки. Поглядывали на ещё бурливую, но уже не такую страшную реку. Рядом поскуливал сытый Дружок.

- Я больше по верху не пойду, - закончив ужин, проговорил Алик.

- Я - тоже, - присоединился к нему Маляныч.

- Да, сил, пожалуй, уже не хватит на ещё один тридцати километровый бросок, - добавил Николай.

- Порогов, вроде, страшных больше не предвидится, поплыву и я, - высказался Артур. - Гнус наверху заел.

- Хорошо, плывём все, - согласился Алёшин. - Вместе мы быстро до плёсов доберёмся. За два, ну, за три дня уж точно на месте будем. Вон, какое мощное ещё течение. А опасные пороги вряд ли ещё встретятся.

Берега реки с каждым часом становились всё положе. Исчезли и скальные обрывы. Лишь у самого уреза воды прослеживались маломощные выходы светлоокрашенных известковых пород. Пойма реки становилась всё шире. Течение реки спокойнее. Чаще встречались и совсем застойные, глубокие, но короткие плёсы. Самолёт на них, может быть, и сядет, но взлететь вряд ли сможет.

На третий день плаванья увидели на обрывчике реки досчатое строение. Пристали к берегу. Это был старый лагерь какой-то буровой партии. Кругом валялись проржавевшие трубы, железные бочки, брошенные железные печурки, разный железный хлам. На дверях единственного сохранившегося ветхого строения была вырезана дата. 1957. Вероятно, это была контора. Внутри было сравнительно чисто.

- Ищите спички, - попросил Алёшин, и вышел из конторки.

- Сюда! Ко мне! - закричал Алик, - приплясывая у железной бочки и размахивая правой рукой, в которой он держал чёрный кусок какого-то тавота. - Ты попробуй, попробуй, - тыкал он в нос Алёшину этот ком. - Это же томатная паста! - ликовал Алик. - Она совершенно не испортилась за тринадцать лет. Они её просто бросили. А она не испортилась. Она съедобна! Лизни, нет, ты лизни. Понюхай. И он запихал себе в рот порцию пасты из пригоршни.

Алёшин недоверчиво осмотрел неаппетитный ошмёток сомнительного бурого вещества, заглянул в бочку, из которой Алик его извлёк. Запаха действительно не было. Но отвращение «лизнуть» было. Взглянул на Алька: не повредился ли в уме?

- Ты копни глубже, - возбуждённо шумел Алик. - Там же только верхний слой почернел. Годов-то сколько прошло. Тринадцать лет. А под почерневшим слоем томатная паста абсолютно неиспорченная. Тут её килограмм тридцать. Треть стокилограммовой бочки!

- Ну, хорошо, - смирился Алёшин. - Достаньте пару рюкзаков и загрузите их этим... тавотом. Встанем на лагерь, оценим. Если не отравимся, неплохое неожиданное подспорье в меню будет.

- Да на мне, на мне и проверите, - кричал в экстазе Алик. - Я прямо сейчас начну её есть.

- Не сегодня, - запретил Алёшин. - Вдруг что-нибудь приключится с тобой, отхаживай тебя. А нам силы нужны, гребцы. Вот доберемся до стоянки, и начинай пробовать.

- Ладно, - согласился Алик. - Но ты видишь, теперь, какая она красная? Как будто совсем свежая. И абсолютно без запаха. Он снова набил рот красной пастой.

Остальные члены отряда тоже потянулись к пасте. Осторожно зачерпнули пальцами подозрительный продукт, пожевали. Прислушались к своим ощущениям.

- Хватит, - сказал Алёшин, - поехали. - Тазик вон, банки, киньте в лодку.

Река всё более смирялась, успокаивалась. Обрывы реки становились всё ниже. Светлые известковые породы и вовсе исчезли. По обоим берегам тянулись невысокие обрывчики песчано-глинистых пород. Лишь у самого уреза воды из-под них иногда выступали выходы древних красноцветных сланцев. И тут же в этих местах возникали мелкие короткие перекаты. Скорость воды резко увеличивалась. Лодка стремительно миновала мелководье и снова попадала в буквально стоячую воду плёсов.

Плёсы изматывали гребцов. Лодка едва ползла по неподвижной воде. Людям приходилось прилагать большие усилия, чтобы понтон хоть как-то продвигался. Особенно трудно приходилось парням при встречном ветре. Лодка просто замирала на месте. Пробовали бурлачить - тянуть лодку вчетвером на веревке. Но плоскодонный понтон тут же прибывало на мелководье, к берегу. Удержать его на глубокой воде одному Алёшину не удавалось. Сил не было. Парни выдыхались. Шестой день полуголодного существования уже начинал сказываться и на моральном состоянии членов отряда. Парни мрачно молчали. А когда общались, говорили раздражёнными голосами, на повышенных нотах. Алёшину то и дело приходилось успокаивать ребят.

На четвёртый день сплава понтон стремительно вынесло из протяжённого мелководного переката на длинный и спокойный плёс. Однако для гидросамолёта плёс не подходил. Приводниться на нём экипаж самолёта вряд ли рискнёт. Препятствием были неожиданно вдруг вознёсшие высокие обрывы на реке в начале и в конце спокойного русла.

Посоветовавшись, члены отряда решили сплавляться дальше, в поисках более подходящего, безопасного для самолёта места. Поплыли, равнодушно и механически налегая обессилено на вёсла.

К вечеру, лодка выползла из-за крутого поворота на широко разлившуюся реку, протекавшую меж низких песчаных берегов.

- Здесь! Нашли! - раздались радостные голоса.

- Спокойно, ребята, - остудил их восторг Алёшин. - Надо оценить глубину реки. Сядет ли здесь самолёт. Давайте зигзагами походим по плёсу, посмотрим глубину. Если подходит, то вон там слева, в конце плёса, перед перекатом и поставим лагерь.

Парни, едва загребая вёслами, направляли понтон от одного берега к другому, внимательно осматривая дно реки. Ровное песчаное русло реки, без единого валуна и с подходящей глубиной для гидросамолёта, просматривалось под скользящей лодкой.

- Ребята, подгребайте понемногу к левому бережку. Вон там, вроде, подходящее местечко для лагеря. Палатки поставим повыше, на той площадке. А барахлишко можно оставить ниже, пока дожди не пошли.

Парни, обрадованные окончанию утомительного путешествия, с неожиданно, откуда появившейся энергией, налегли на вёсла. Лодка заметно прибавила в скорости и вскоре воткнулась в пологий берег.

Солнце торопилось на закат. Смеркалось. Все торопились быстрее управиться с разгрузкой понтона, установить палатки. Правда, былой слаженности, скорости, автоматизма в движении ребят от многодневного недоедания уже не было. Тем не менее, минут через сорок с благоустройством лагеря было покончено, и ребята вопросительно посматривали на Алёшина: «не пора ли уже и перекусить».

- Ну, поздравляю всех с окончанием сплава, - произнес тихо Алёшин. - Тяжеленько он нам дался. Но вы молодцы. Теперь, если повезёт, и самолёт прилетит по плану, то через недельку будем на базе. Экономю и ревизию сухарей проведём завтра, а сегодня всем по два сухаря, да и рыбки можно больше. Давай, Алёк, награждай народ. Мы это заслужили.

- Ура! - восторженно прокричали парни.

Пока Алик отрезал кусочки рыбы и раскладывал сухари, Алёшин спокойным монотонным голосом пытался подготовить ребят к тому, что их, возможно, ожидает.

- Значит так, друзья мои, выслушайте, что я вам скажу. По плану нас должны снять с этой точки через восемь дней. Пятого сентября. Но вы знаете, как у нас относятся к планам. Могут не прилететь и десятого. Дай бог, до пятнадцатого вывезут. Значит, нам надо продержаться на наших харчах три недели, или около того. Беру максимальный срок. Давайте, сначала перекусим, - предложил Алёшин, принимая от Алика сухари и приличный шматок рыбы.

- А паста! - воскликнул Алик. - Кто хочет?

Алик вынул из кармана вырезанную из дерева неказистую ложку, подошёл к рюкзаку и зачерпнул ею кусок пасты. Затем опустил её в жестяную банку с водой и тщательно размешал.

- У! Вкусно! - проговорил Алик, запивая приготовленным напитком размоченный сухарь и рыбу.

Поколебавшись, и остальные члены отряда достали свои немудрящие ложки.

Сейчас, когда я просматриваю эти строки в уютной комнате, я с грустью посматриваю на свою, потемневшую от времени деревянную ложку, стоящую передо мной в кружке. Прошло почти сорок лет, как я её вырезал из толстой ветки берёзы.

Потекли скучные, однообразные дни ожидания. После последнего, обвального ливня в ночь после гибели Егора и Марианны, не выпало ни капли дождя. Целыми днями люди валялись под пологими. Выбирались только к завтраку и ужину. Берегли силы. Алёшин пытался изыскать хоть какой-нибудь корм и как-нибудь разнообразить убогое меню. Он приносил из леса грибы. Однако из-за отсутствия дождей, грибы встречались редко и были червивыми. Но грибы ели. Макали в пасту и жевали. Сокрушались, что нет огня.

Заметив как-то обилие мальков на мелководье, Алёшин, с помощью марлевого полога, выудил полную пригоршню рыбной мелочи, размером с мизинец. Он взял несколько снулых рыбок в рот и начал жевать. Вкус был отвратительно горьким, как будто он жевал хину. Но с

тех пор он каждый день съедал пригоршню, другую мальков и запивал их водой с томатом. Было терпимо. Притупляло голод. И ребят приучил.

А однажды он разорил гнездо белоголового орлана. В гнезде находилось два крупных, хорошо оперивших птенца, готовых вот-вот покинуть гнездовье. Один птенец, при приближении Алёшина, вывалился из гнезда и спланировал на неприступную скалу. Второго птенца Алёшин успел ухватить за крыло. Мясо птицы оказалось очень вкусным, и напоминало куриное. Сильно ослабевшие на скудных кормах парни после мяса повеселели.

Дружок сразу после катастрофы стал инстинктивно чувствовать недобрую опасность, исходившую от парней. Особенно враждебно стал относиться к Артуру и Николаю. Он перестал к ним приближаться. Старался быть от них на расстоянии. Возвращаясь с утренней и вечерней охоты, он затаивался в кустах и высматривал, где Алёшин. Затем стремительно бросался в воду. Долго плавал, освобождаясь от комаров и мошки, отряхивался от воды, и бежал к Алёшину в палатку. Когда парни приближались к палатке, Дружок рычал. Шерсть на его загривке становилась дыбом.

- Чего это он на вас злобиться стал? - спросил Алёшин парней. - Не угробить ли пса задумали? Животные они чувствуют.

Повисло недоброе молчание. Лица Артура и Николая стали злыми.

- Послушай, шеф, давай собаку забьём, - предложил Артур, - а то скоро передвигаться не сможем.

Остальные члены отряда настороженно замолкли. Но чувствовалось, что они на стороне Артура. Вероятно, эта идея обсуждалась между ними не один раз.

Алёшин давно уже ожидал этого предложения. - Я вам ещё раз объясняю, - жестко ответил Алёшин. - Самолёт за нами может не прилететь в срок. Может его не быть и через две недели. Если самолёта не будет двадцатого, двадцать первого мы начнём сплавляться. До ближайшей фактории, до людей, километров шестьсот. В день надо будет проходить по пятьдесят семьдесят километров, чтобы успеть до лёдостава. Хорошо грести. Вот здесь нам мясо Дружка и потребуется. Ясно?

- А пока, - Алёшин вернулся к теме выживания, - надо продержаться на остатках сухарей, рыбе, мальках, грибах. Кстати, я придумал, как ловить полёвок, мышей. Один канадский исследователь Севера месяц продержался на одних мышах, леммингах. Тоже сырых ел. Томатная паста у нас есть. Будем мышек сдабривать.

Какое-то время он помолчал, ожидая хоть какой-то реакции от членов отряда. Все молчали.

- Обратили внимание на узенькие неглубокие дорожки по берегу реки, на полянках, среди кустов? - продолжил Алёшин, не дождавшись ответа. - Такие извилистые, хорошо вытопанные? Эти тропинки проложили полевые мыши за годы своего обитания. Такие дорожки являются для мышей, вроде асфальтовых шоссе или железнодорожной колеи. В случае опасности, они стремительно мчатся по ним до своих нор и там затаиваются, пока опасность их минует. Не запутаются в траве, не спотыкнутся за ветку.

- Что, капканы, что ли, будем ставить на дорожках? Так у нас нет капканов, - недобро заметил Артур.

- А вот и есть! - торжественно заявил Алёшин, улыбнувшись одними глазами. - И я их сегодня уже проверил в действии.

Алёшин достал из кармана пару мёртвых мышек и показал их членам отряда.

- Идёмте.

Алёшин прихватил резиновый сапог и подвёл ребят к полянке, испещрённой узенькими дорожками. Затем приложил раструб сапога на неглубокую тропинку так, чтобы одна сторона голенища плотно прилегала в углубление дорожки. Образовалось нечто вроде тоннеля с одним входом.

- Так, - удовлетворённо проговорил Алёшин, и повёл ребят в сторону от сапога.

Удалившись от сапога метров на тридцать, Алёшин расставил парней цепочкой и предложил быстро пробежать в сторону сапога, издавая как можно больше шума.

Когда все подбежали к сапогу, Алёшин поднял его, встряхнул и приложил к уху.

- Ага, - довольно пробормотал Алёшин, и несколько раз ударил по сапогу палкой. Затем опрокинул сапог. Из сапога выпали три маленьких сереньких комочка. Это были мышки.

- Их можно есть. Кто брезгует, можно снять шкурку, вычистить внутренности. Тот исследователь, о котором я вам говорил, употреблял мышей целиком. Как волки, или песцы. Поэтому у него за три месяца даже цинги не появилось.

С этого дня меню отряда обогатилось дополнительным продуктом - сырыми полёвками с томатной пастой. Может быть, и не очень аппетитным, но вполне калорийным блюдом. С помощью сапога каждый член отряда отлавливал по пять десять мышей в день.

Артур заявил: - Я мышей жрать не буду. Вот Дружка бы скушал.

Николай, во всём подчинявшийся Артуру, тоже не стал ловить мышек.

Каких-либо неприятных последствий от потребления томатной пасты, простоявшей под открытым небом полтора десятка лет, не случилось. Через неделю, в результате бесконтрольного истребления пасты, рюкзаки подопустели.

- Парни, - обратился Алёшин, - пожалуй, надо ещё разок сгонять за томатом, пока силы есть?

- Я пойду, - вызвался Алик.

- Добро. С Малянычем и прогуляйтесь, - согласился Алешин. - Погоды пока хорошие. Шагайте, не торопясь, по берегу, вдоль реки. Комара меньше. Завтра с утра пораньше, по холодку, и идите. Пару рюкзаков прихватите.

Утром после завтрака Алик и Маляныч ушли.

Перед уходом Алик зашёл в палатку к Алёшину и прошептал ему на ухо. «Слышь, шеф, Артур с Колькой твёрдо решили забить Дружка. А если ты попробуешь помешать, они свяжут тебя. Будь аккуратнее»

- Спасибо тебе, - Алёшин благодарно сжал запястье Алика. - Доброго вам пути. За меня не беспокойся.

После ухода ребят за пастой, Алёшин, прихватив сапог, ушёл ловить мышей. Вернувшись с «охоты», он наточил о плитку песчаника лезвие перочинного ножика и сел на берегу потрошить пойманных полёвок. Дружок не отходил от него ни на шаг. Собака сидела рядом с ним и с удовольствием глотала, бросаемые ей Алёшиным, шкурки и внутренности от мышей.

Закончив чистить полёвок, Алёшин не спеша, тщательно пережёвывая, двух съел. А остальных завернул в лопухи, отнёс в палатку и опустил в прохладную яму, чтобы не испортились на жаре. Дружок зашёл за ним в палатку и лёг у приоткрытого входа. И вдруг злобно зарычал, настороженно прислушиваясь к каким-то звукам за палаткой.

Алёшин беззвучно приподнялся со спального мешка и быстро выглянул в затянутое марлей окошко на торце палатки. Он увидел Артура с тесаком в руке, крадущегося к центральной верёвке палатки. Подскочив к щели выхода из палатки, Алёшин заметил руку Николая с зажатым в ней финским ножом, готовым перерезать капрон верёвки, натягивающей кол палатки.

В тот же миг он услышал возглас Артура «давай». Колья палатки начали заваливаться друг на друга, Дружок отскочил в центр палатки, и она накрыла его. Но на секунду раньше Алёшин броском выкатился из-под полотнища палатки, вскочил на ноги и сунул руку в карман.

- Не трепыхайся, начальник! Мы тебя не тронем. А вот собачку твою сейчас приговорим.

Алёшин оглянулся на Артура. В левой руке он сжимал свой знаменитый немецкий тесак. В правой у него была зажата крепкая дубинка, которой он приготовился забить Дружка.

- Брось дубину! - тихо проговорил Алёшин.

- Послушай, шеф, не мешай нам, - проговорил Артур. - А то мы свяжем тебя. Да и порезать можем ножичком ненароком.

- Псинку мы твою приговорили, чтобы ты нас с голоду не заморил, - улыбнулся Николай и тоже поднял дубину, примериваясь, как бы половчее оглушить извивающегося под брезентом палатки Дружка.

И в это мгновение раздался оглушительный выстрел. Взвизгнула пуля, срикошетив от камня. Артур истошно закричал, ухватился за окровавленную ногу и повалился на землю, отбросив нож. Николай, взглянув в недоумении на Алёшина, и, увидев в его руке наган, отбросил в сторону дубинку и истошно закричал «не убивай!».

Алёшин стоял в пяти метрах между приятелями, с опущенной рукой и с зажатым в ней наганом. Он стрелял прямо из кармана.

- Ты, - он указал стволом нагана на Николая, - подойди к другу и осмотри рану. Видать пуля рикошетом попала в ногу.

Николай на четвереньках, по-собачьи, быстро переместился к Артуру. С трудом стянул со стонущего Артура сапог и задрал штанину.

- Ну, что там?

- Посмотри сам. Что-то я не понимаю...

Алёшин жестом, махнув наганом, отодвинул в сторону Николая и нагнулся над ногой Артура. Из раны в икре ноги пульсировала слабая струйка крови. Выходного отверстия не было. Пуля на излёте попала в икру ноги и застряла там. Кость ноги, по-видимому, не была задета.

- Значит так, Артур, если хочешь спасти ногу, а, скорее всего, и жизнь, надо срочно пулю вынуть. Иначе гангрена, общее заражение крови и... в наших условиях... сам понимаешь.

- Паразит, фашист, надо было тебя раньше зарезать, - взорвался Артур.

- Ты думаешь только о себе, я спасаю всех, - коротко ответил Алёшин. - И не ори. Надо немедленно вынимать пулю. Без наркоза. Придётся потерпеть. Николай, принеси больше чистой воды из родника. Согласия я твоего, Артур, не спрашиваю. За убийство не хочу объясняться. На мне уже висит ответ за Марианну и Егора. Давай, поднимайся. Дотащимся вон до того выброшенного рекой дерева.

Алёшин доволком Артура до ободранной ели. Положил его на дерево и крепко привязал к ней его руки и ноги. Николай поднёс в тазу воду.

- Принеси с десятка листьев подорожника и изорви на полосы чистый вкладыш к мешку, - приказал Алёшин. - Пока не позову, не подходи.

Алёшин вынул перочинный нож, тщательно подправил и так острейшее лезвие на мелком песчанике. Затем протёр его листьями подорожника.

- Прикуси рукав и потерпи. Это быстро. И Алёшин мгновенно сделал короткий и глубокий надрез поперёк входного отверстия раны.

Артур взвыл и начал извиваться, пытаясь вырвать ногу. Однако нога была привязана намертво. Алёшин погрузил лезвие ножа в рану и почувствовал, как оно задело пулю. Тогда он энергичным движением, как будто почерпнул ложкой суп, скребанул лезвием и выбросил пулю из раны. Пуля звякнула о камни. Артур страшно взревел и затих.

- Вот и всё. Николай, тряпки, подорожник.

Алёшин тщательно обмыл кровоточащую икру, обложил рану листьями подорожника и забинтовал ногу.

- Если всё удачно, через недельку сможешь наступать на ногу. А пока покой. Отдыхай. Чтобы быстрее выздоравливал, будешь получать полуторную норму сухарей и рыбы. Давай, Николай, помоги ему добраться до палатки.

С помощью Николая Алёшин дотащил Артура до палатки и пошёл искупаться.

Он добрёл до поворота реки, пока не скрылись палатки. Оглянулся вокруг, убедился, что его никто не видит, и измождённо рухнул на гальку бечевника. Несмотря на середину сентября, солнце палило по-летнему. Вот уже третью неделю стояла невыносимая жара. Даже комар, обычно обильный и неистребимый в это время, куда то исчез и днями почти не досаждал. И мелела река.

Отдохнув ещё несколько минут, Алёшин покивал головой, как бы утверждаясь в каких-то своих мыслях, и начал медленно освобождаться от одежды. Перед тем, как снять брюки, он снова зорко осмотрелся, вынул из кармана наган и засунул его под лежащую неподалеку песчаную плиту. Затем встал, потянулся, осмотрел своё сильно истощавшее тело, и медленно вошёл в теплую воду.

Он долго плавал в прозрачной воде, лежал на мелководье, напряжённо о чем-то думал. А задуматься было о чём. Сухарей и рыбы оставалось на пару дней. Какое-то время можно будет продержаться на горьких мальках и полёвках. Пасту ребята принесут. Ещё грибы, ягоды. Но всё сырое. Обрыдло. Через неделю будет ровно месяц, как случилась трагедия. Тридцать дней на голодном пайке. Ребята отощали. Злые. Ненавистные. Вот, не выдержали. Дружка чуть не забили. Хорошо тогда, в день трагедии, о нагане вспомнил. Утаил его от ребят на всякий случай. Не проговорился. Как предчувствовал, предвидел, будто, такую вот ситуацию. Да, пожалуй, и предвидел. Людей хорошо узнал за время в геологии. Видел и общался с разными. Теперь эти двое, Артур и Николай, неопасны пока. На неделю полторы. А что потом?

Алёшин вышел из воды. Постоял несколько минут на жарком солнцепёке, отмахиваясь от редкого комара, и начал одеваться.

И снова потекли однообразные дни ожидания. Через три дня закончились сухари и рыба. Перешли на полёвок, мальков, подножный корм. Грибы, ягоды. Обильно сдабривали всё томатной пастой. Но пасту тоже начали экономить. Алёшин забрал рюкзаки с томатом к себе в палатку и установил на выдачу её жёсткую норму. Он понимал, что ещё раз сходить за пастой, сил уже ни у кого нет, и не будет.

Приближалось двадцать первое сентября. День, когда, по обещанию Алёшина, отряд должен был начать сплаваться. К людям. До фактории. Но Алёшин сильно сомневался, что в указанной на карте фактории кто-нибудь сейчас, летом, есть. Карты старые, довоенные. И, как уже не раз убеждался на практике Алёшин, очень часто они не соответствовали действительности. А обозначенные на них населённые пункты уже давно были покинуты, запущены, разрушены. Если в фактории людей не окажется, надо будет сплаваться ещё километров на пятьсот, до посёлка на побережье Ледовитого океана. Наступят холода. Пойдут ледяные забереги. Резиновую лодку тут же пропорет. Нет, им до побережья не добраться. Да и, откровенно говоря, сил уже у людей не хватит. Что же делать? Сидеть и ждать на месте самолёта! Алёшин был убеждён, за ними обязательно прилетят. Кто-то должен о них вспомнить! Но вот когда это будет? Не задумают ли парни вновь повторить свою попытку напасть на собаку? На него?

Дни по-прежнему стояли жаркие, душные, без дождей. Но ночами уже было холодно. Две ночи подряд на почву падали заморозки. По утрам трава была в инее. Появились первые ночные забереги. Но с утренними лучами солнца, ледок быстро стаивал.

Ребята целыми днями валялись в палатках. Спали. Вяло переговаривались. Иногда вдруг без причины схватывались в ссорах. Тогда Алёшин выбирался из палатки, заходил к парням и молча усаживался у порога. Сидел. Ждал, пока парни успокоятся. Ничего не говорил. Когда парни утомлённо замолкали, вставал и прогуливался вдоль реки. С беспокойством замечал, как быстро падала вода. Река мелела. Алёшин опасался, если ещё три четыре дня самолёта не будет, плёс обмелеет, и самолёт здесь не сядет. Придётся сплаваться ниже. Искать более глубокий плёс. А до ближайшего подходящего места, где может сесть самолёт,

неизвестно сколько километров. Алёшин, ещё когда встали здесь лагерем, ходил вниз по реке за десять двенадцать километров. И не нашёл пригодной площадки для самолёта. Сколько до неё сплавляться? А сил уже нет.

Нога у Артура заживала. Рана затянулась. Повязку с ноги сняли. Артур уже самостоятельно выбирался из палатки. Прогуливался, чуть прихрамывая, бросая недобрые взгляды на Алёшина. Алёшин был уверен, что Артур настраивает парней сбежать. Но вряд ли они нападут на него, пока нога у Артура не заживёт окончательно. Это может произойти через два три дня. Двадцать первого, двадцать второго сентября. Ночью, или утром, когда Дружок убегает охотиться на мышей. Тогда можно будет прокрасться к палатке и внезапно напасть на него. Собака не предупредит его своим рычанием.

«Завтракать» и «ужинать» по-прежнему собирались вместе. Хотя сухари и рыба уже закончились три дня назад. Все, кроме Артура, жевали ободранных мышей. Ели горьких мальков, запивая остатками томатной пасты, разведённой в воде. Паста тоже кончалась. Ели в молчании.

Алёшин старался держаться в отдалении от Артура и Николая, чтобы не спровоцировать их на внезапное нападение. Рядом с ним сидели Алик и Маляныч. Их Алёшин не опасался. Был уверен, они на его стороне. Да и субтильные, к тому же трусоватые.

- Значит так, парни, - проговорил Алёшин, закончив жевать. Он бросил кусочек полёвки Дружку. - Завтра двадцать первое. В этот день мы планировали начать сплавление. Алёшин помолчал несколько секунд, и быстро закончил: - Но Артур ещё не окреп для столь длительного и опасного сплава...

- Я готов, - прервал Алёшина Артур. - Если мы сегодня забьём Дружка, подкормимся, то завтра, и уж точно послезавтра, все будем в форме, в силах.

Дружок глухо зарычал, будто понял о чём идёт речь, и, сузив глаза, уставился на Артура.

- Дружка забьём на следующий день после начала сплавления, - продиктовал Алёшин. - Артуру, чтобы окончательно окрепнуть, понадобится три четыре дня. Значит, тронемся не раньше двадцать пятого. Всё! И вот ещё что.

Как-то мгновенно в руке у Алёшина появился наган. Никто не заметил, откуда он его выхватил.

- Если вдруг кому-то в голову придёт сумасшедшая мысль повторить... ну, словом, вы понимаете, о чём я. Пристрелю любого. Потому что я хочу, чтобы выжили...

Договорить Алёшин не успел и повалился на Дружка, едва не придавив его. Из его затылка сочилась кровь. Алёшина оглушил, сидевший чуть сзади от него, Маляныч. Вот этого Алёшин не ожидал. Наган упал рядом, на камни.

- Кидай, кидай мне, наган мне! - закричал Артур, и вскочил с камня.

Маляныч опасно попытался ногой откинуть наган подальше от Алёшина.

- Наган! - вновь закричал Артур, протягивая к Малянычу трясущие руки, боясь, однако, приблизиться к Алёшину, и опасаясь, что тот очнётся и пристрелит его.

Наконец Маляныч решился, быстро нагнулся, ухватил наган двумя пальцами и кинул его Артуру. Тот поспешно ухватил его обеими руками.

В это мгновение Алёшин, пришедший в сознание, открыл глаза и увидел, как Артур перехватил наган в правую руку и пытается взвести курок.

- Фас, Дружок, фас! - скомандовал Алёшин.

Артур не успел ещё взвести курок, как Дружок в стремительном броске взвился и мертвой хваткой вцепился в кисть руки Артура.

- Аааа! - страшным голосом завопил Артур. Наган выпал из его руки, и фонтан крови ударил из раздробленного мощными клыками Дружка запястья.

Николай, сидевший рядом с Артуром, подхватил наган, быстро взвёл курок и в упор выстрелил в собаку. Однако лишь сухо щёлкнул курок.

- Стреляй, стреляй, скорее, - повторял Артур, пытаясь сбросить озверевшего пса.

Николай вновь и вновь нажимал на курок, но выстрелов не было. Только звонкие щелчки.

- Дружок, фу, ко мне! - позвал Алёшин. - Николай, перетяни жгутом руку Артуру повыше локтя. А то через пять минут истечёт кровью. Умрёт. И наган, Коля, кинь сюда.

Николай с недоумением уставился на свою руку с наганом. В барабане не было ни одного патрона.

- Наган-то не заряженный! Он все патроны вынул.

- Сука! - взревел Артур. - Добейте его!

- На любого, кто попробует это сделать, напущу Дружка. Рядом, Дружок! Наганчик-то, Коля, брось мне.

Николай с ненавистью отшвырнул наган Алёшину и принялся перетягивать руку Артуру.

Алёшин, сдерживая стоны, приподнялся, устроился на камне, подобрал наган. Затем протянул руку к плоскому камню, рядом с собой, откинул его, подобрал шесть патронов и начал методично вставлять их в барабан.

В это время из-за обрыва реки с рёвом выскочил самолёт и низко промчался над плёсом. Должно быть, экипаж оценивал глубину реки.

В схватке, только что произошедшей между членами отряда, никто не услышал приближающегося гула самолёта. Вожделенного звука, которого они ждали тридцать дней и ещё два часа.

- Парни! Пока самолёт не сел. Собака кинулась с голоду на Артура. Хотела вырвать еду, мыш. Он дразнил её. Обо всём, что случилось с нами, правду и только правду. Согласны?

- Согласны, - мгновенно ответили все.

- Слушай, шеф, ты не говори никому, что ранил меня, - обратился Артур к Алёшину. Случайно, - добавил он.

- Хорошо, - согласился Алёшин. - Но если узнают вдруг правду, то ты меня умолял не проговариваться никому. Заявляю при всех. Тогда я расскажу всё.

Гидросамолёт дважды прошёл над плёсом перед лагерем, оценивая глубину реки, безопасность приводнения и взлёта. В третий раз самолёт как бы завис над водой, взревел и плюхнулся прямо перед палатками. Через пару минут подрулил к берегу и щеголеватый механик бросил членам отряда лёгкий якорь. Ребята ухватили якорь, подтянули самолёт к берегу и закрепили его.

Командир самолёта и второй пилот, в лёгких отутюженных фирменных тёмно-синих костюмчиках, в зеркальных ботинках выбрались из чрева самолёта на поплавки, достали из карманов печенье, и начали, не спеша, закусывать им, с любопытством осматривая наш лагерь и наши измождённые, заросшие лица.

Алик вошёл в воду, добрёл до поплавка, вскарабкался на него, с помощью подавшему ему руку механика, встал рядом с командиром и выхватил у него из рук печенье. Затем быстро засунул его в рот и начал жадно жевать. Командир изумлённо замер и с недоумением уставился на Алика.

- Что это с ним? - недоумённо спросил командир у Алёшина.

- Мы месяц голодали. У нас люди утонули. Двое. Девушка и парень. Двадцати и тридцати лет. Все продукты. И тут Алёшин не выдержал долгого напряжения, отвернулся, и его тело сотряслось в глухом рыдании.

Пилоты замерли. Вдруг второй пилот кинулся в кабину и быстро выскочил оттуда, держа в руках круглую жестяную коробку, опечатанную сургучной печатью. Сорвав печать, он открыл коробку, соскочил с поплавка в воду, добрёл до берега и высыпал содержимое коробки на прибрежную гальку.

- Давайте, парни, перекусите. Вот галеты, вот сгущёнка, это мясо консервированное. Даже спирт есть питьевой. По граммулке можно. Только на корма не налегайте. Слышал, худо может быть.

Все столпились вокруг груды сказочных продуктов, не решаясь прикоснуться к ним.

- Да вы давайте, давайте, торопил второй пилот. Сейчас я мясо открою. И он профессионально вскрыл мясо в соусе.

Парни молча набросились на еду. Они хватали руками мясо, галетами черпали сгущёнку, и жевали, давились, жевали...

Пилот ловко распечатал бутылку толстого стекла со спиртом, взял, тут же находившийся пластмассовый стаканчик, плеснул туда грамм по пятьдесят спирта и обнёс всех ребят.

И тут все заговорили разом.

- Вы вот что, мужики, кончайте есть. А то действительно можете загнуться. Посидите, а мы быстренько загрузимся. Вон собачку угостите, видите, поскуливает.

Пилоты быстро завалили палатки и загрузили их в самолёт. Покидали туда навалом спальные мешки, остальное барахлишко. «Хватит», «хватит», собрали в коробку оставшиеся продуктики.

Алёшин взял на руки Дружка, прижался лицом к его голове и последним вошёл в самолёт.

Через полгода состоялся суд. Алёшина не признали виновным в гибели людей. Администрации поставили на вид, что она не обеспечила отряд спасательными средствами.

Алёшин написал эту повесть вскоре после случившихся событий. И она ходила по рукам коллег. Алик ещё несколько лет ездил в поле с Алёшиным. Маляныч ушёл от Алёшина в другой отдел. Спустя пять лет после описываемых событий он умер от туберкулёза. В последний раз Алёшин видел Артура и Николая, когда они получали в кассе института деньги. Они отвернулись, сделав вид, что не узнали его. Они погибли позднее, в начале чеченской кампании, куда завербуются добровольцами. Но, говорят, повесть эту они перед смертью прочитали, но никак не прокомментировали.

Алёшин решился опубликовать эту историю спустя почти сорок лет, когда в живых из участников этих событий, кажется, никого и не осталось.